

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков

Действующие лица:

Петр I.

Екатерина.

Алексей.

Ефросинья.

Меншиков.

Мазепа.

Карл XII.

Реншельд, шведский генерал.

Денщик.

Корабельный мастер.

Адмирал.

Макаров, кабинет-секретарь.

Морков Иван Дьяк.

Подьячий.

Протопоп.

Юродивый.

Курьер.

Князь-кесарь.

Князь-папа.

Солдат.

Лекарь.

Бутурлин.

Толстой.

Апраксин старший.

Голицын.

Долгорукий.

Репнин.

Народ, гвардия, песенники, плотники, кузнецы, монахи, солдаты, матросы, хор колодников, запорожцы, свита Карла XII, русские генералы: Ренн, Шереметев, Брюс, Боур, Чернышев, Мамонов, Анна, дочь Петра, лекарь, Афанасьев Большой, шведские генералы, драбанты, гренадеры, драгуны, караул во дворце, трубач, ряженые.

Акт первый

Картина первая

Июньское утро. Лесистый холм под Полтавой. Шатер со штандартом Карла XII, другой – со штандартом гетмана Мазепы. У первого шатра на часах – драбант, у второго – запорожец. За сценою грохот боя.

Мазепа (появляется один). О, черный яд! О, преисподний тартар! Великий бог, погибло все! Они бегут, глаза меня не обманули, их гонят русские полки... (Смотрит вдаль.) Да, это он, в дыму, в огне, мой страшный враг, московский царь! Куда теперь укрыться мне? О, гетьман, гетьман, ты погиб! Да, краше самому себе смерть причинить, чем отдаваться на лютые мученья за измену. (Берется за пистолет.) Но, нет, дрожит рука моя, курок взвести не в силах я. Бежать, бежать без промедленья!

Запорожцы (выбегают). Погано дело, гетьман славный! Нас шведы погубили, всех москали нас заберут. Эй, гетьман, на Туретчину веди нас!

Мазепа. Молчать! Все знаю и без вас. Не я, не я, а он виновник, вот он!

Драбанты вносят, высоко подняв на шестах и копьях носилки, в которых раненый Карл XII. Левая нога его в бинтах. За носилками свита Карла.

Карл. Остановитесь здесь, хочу смотреть отсюда. О, если бы я мог подняться! Но рана тяжелая меня сковала, мученья передышки не дают. Я все готов терпеть, огонь и муку, но только дайте мне подняться, чтоб кинуться опять в огонь. Бесстрашных шведов строй, лишь только короля увидит, сомкнется вновь и варваров погонит. Пустите к ним! Пустите к ним! Награду колдуну, тому, кто боль мою задушит, кто вдунет силу в грудь мою! О, шведы, шведы, с вами ваш король, ужели вы не слышите его?

Мазепа. Он в исступленьи и не понимает, что ждет его, а с ним и нас. О, бой проклятый! Король, зачем ты дал его?

Карл. Нет, нет, явись ко мне архангел или дьявол с приказом бить отбой, я не послушал бы и их, клянусь в том королевством!

Реншельд (вбегает). Король, пехота наша сбита! Ваше величество, скорей на Днепр бегите! (Свите.) Не медлите, спасайте короля!

Карл. Не верю! В мире силы нет, перед которой дрогнет швед!

Реншельд. О, государь, гладите! (Указывает вдаль.) О, государь, я умоляю... (Отбегает в сторону боя.) Остановить! Того, кто побежит, я расстреляю! (Стреляет из пистолета, скрывается.)

Мазепа. Снимайте прапор, берите золото в шатре и на коне скорее!

Запорожцы. Эй, на конь, на конь, на конь! (Снимают штандарт Мазепы, вытаскивают бочонки с золотом и скрываются с Мазепой.)

Свита Карла. Эй, королю коня! Скорее коней! (Снимают штандарт Карла.)

Карл. Позор, позор вместо победы... О, лучше б я ослеп, чем это видеть... Шведы, шведы! (Карла уносят. Свита удаляется вместе с ним.)

Бой сразу стихает, доносятся обрывки: «Тебе бога хвалим» и полковой музыки. Через некоторое время появляется Меншиков и с ним трубач.

Меншиков. Труби, труби, зови ко мне всех командиров! (Трубач трубит.)

Появляются генералы Ренн, Шереметев, Брюс, Боур и другие. Со всех сторон начинают сбегаться офицеры, среди них есть легко раненные.

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Бог наше дело завершил, они бегут, нет больше Карла!

Трубы, и за сценой послышались крики – ура!

Появляется Петр. Контуженая голова его без шляпы, повязана тряпкой обожженной, лицо закопчено дымом, он в разорванном сбоку кафтане, со смятым крестом на груди.

Петр. Свети нам, солнце, бог воскрес! Виктория! Виктория! Победа!

Гвардия. Виктория! Виктория! Великая победа!

Петр. Кто грозен и страшен, как Марс, древний бог? Кто полымем ярким Европу зажег? Карл двенадцатый! Кто всех супротивных развеял, как дым? Кто в мире один был непобедим? Карл двенадцатый! А кто нас под Нарвой, как малых, побил? Кто конницу нашу в Нарове топил? Карл двенадцатый! Но часа я ждал, я тебя поджидал, король знаменитый, двенадцатый Карл! И вот мы сошлись, о, свейский король! Скажи нам свой отзыв, промолви пароль! С тобою на свете места нам нет, вздувай витили, прикни байоннет. И в мире не ждал, не чаял никто баталии преславной, виктории такой! Мы шведу не дали ни пяди земли, и шведов шеренги в крови полегли. Кто чаял, чтоб швед нам хребет показал? Где свейский король, двенадцатый Карл?

Гвардия. Кто чаял, кто ждал, чтоб хребет показал непобедимый двенадцатый Карл?

Петр (Меншикову). Князь, подойди ко мне! Мейн херценкинд, мейн бестен фронт, мин брудер! Сердечный друг, тебе мое лобзанье. Данилыч, никогда России не забыть твои великие деянья! (Вынув шпагу, кланяясь всем.) Вас всех благодарю, всем кланяюсь низко. Вы древнюю славу Руси обновили, не посрамили знамен, потомки имен не забудут, ваших великих имен! (Меншикову.) Чай, Гвардия голодна, Данилыч, угости обедом.

Меншиков. Петр Алексеич, сделай честь! (Трубачу.) Труби, садиться всем и есть!

Гвардейцы раскрывают шатры, вкатывают бочки с водкой, развязывают выюки, садятся.

Петр. Первую чарку во славу павшим, пролившим под Полтавой кровь. Им честь и память и любовь! (Пьют.) Вторую чарку пью за вас...

Меншиков. Нет, стой, Петр Алексеич, стой! Нет, так ты пьешь не по ранжиру. Вторую чарку Михайлову Петру, преображенцу бомбардиру!

Гвардия. Здравствуй, здравствуй, Петр Алексеевич, здравствуй, многая лета!

Меншиков махнул платком, грянули пушечные выстрелы.

На холм вводят пленных шведских генералов, во главе их – Реншельд, за ними несут шведские знамена.

Меншиков дает знак, и их склоняют перед Петром.

Реншельд. Ваше величество, пред вами генерал фельдмаршал Реншельд. Мы победителям сдаемся в плен. (Подает свою шпагу Петру.)

Генералы отдают свои шпаги Меншикову.

Петр. Негоже, зазорно, что славный фельдмаршал был безоружен. В грядущих боях вам меч будет нужен. Мы с вами скрестили железо в бою, вам шпагу на память свою отдаю.

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Реншельд. Какая честь и смею ль я?.. (Принимает шпагу.)

Петр. Садитесь с нами, милости прошу. Мы здесь обедаем... своя семья.

Шведов усаживают, наливают им чарки.

Реншельд. Я благодарен, я не пью..

Петр. Мы и сами не пьем, капли в рот не берем, понеже не видим в том. сладости. Да уж день больно радостен! (Поднимает чарку.) Во здравье славных шведов! (Шведам.) Спасибо вам, великое спасибо!

Реншельд. За что нас царь благодарит?

Меншиков. За то, что драться научили.

Реншельд (указывая, на раненого шведа). Мы научили, а вы нам плохо заплатили.

Гвардия. Как умели, как умели!

Петр. А чего же нам зевать? По второй, чтоб не хромать!

Гвардия. Чарка на чарку – не палка на палку!

Петр (отзывает Меншикова в сторону). Данилыч, а короля-то мы забыли! Короля догони, князь, достань короля! А Мазепу-изменника коль приведешь, я те в ножки паду!

Меншиков (Боуру). Бери скорей драгун, скачи, что станет мочи, и короля с Мазепой лови в Переволочне!

Боур скрывается.

Петр. А что ж наши гости да приуныли? Скажут, что плохи хозяева. Песенников сюда!

Появляются солдаты-песенники.

Песенники. Ах, вы, сени, мои сени, сени новые мои...

Гвардия. Сени новые, кленовые, решетчатые...

Выбегает солдат-плясун с ложками, пляшет.

Песенники. Выпускали сокола из правого рукава... Ты лети, лети, сокол, высоко и далеко...

Вдруг послышался конский топот, загудела земля, донесся свист и хор издали: «И высоко и далеко...»

Петр. Поехали?

Меншиков. Поехали!

Петр. Крылатый Боур, догони их!

Гвардия. Ах, вы, сени, мои сени, сени новые мои...

Занавес

Картина вторая

Весенний рассвет в Петербурге. Рабочая комната Петра. Горят свечи.

Инструменты, чертежи, часы с музыкой. Над камином – компас.

Петр, в домашней одежде, в колпаке, работает на токарном станке.

Петр (тихонько напевает). «Веселый город Саардам», все плотники твердят. Трудился плотник, как Адам, когда чинил фрегат. Готов фрегат, фрегат обшит, наш плотник в радости поет, наш плотник в погребок спешит, его друзей компания ждет! Над Саардамом ночь плывет и месяц гаснет, спать пора! Но плотник пляшет и поет, и будет петь он до утра! «Веселый город Саардам», все плотники твердят, и я бывал когда-то там, и я чинил фрегат!

Часы бьют пять раз, играют. Петр оставляет станок, задувает свечи. Появляется денщик.

Ну, что, там есть уж кто-нибудь?

Денщик. Уж как не быть? Сошлись ни свет и ни заря, давно твердят – буди царя, пора, буди царя!

Петр. Зови.

Первым входит корабельный мастер.

Корабельный мастер. Желая здравствовать, ваше величество!

Петр. Здорово, мастер!

Корабельный мастер (развернув чертеж). Корабль «Антоний» весьма гнил, и пушки он носить не может. Как быть прикажешь, государь?

Петр. Давно сие я говорил... Ну, что же, мастер, научи! В долгу я за науку не останусь...

Корабельный мастер. Ну, что ж ученого учить? Ты сам – Михайлов мастер!

Петр. Простой я мастер, а ты славный... (Рассматривает чертеж.) Ну, что ж? Укрепить, где можно.

Корабельный мастер (подавая другой чертеж). А здесь?

Петр. Меж палуб окна здесь просечь и старые поправить. Ступай, трудись... На, на дорогу посошок!

Денщик подает корабельному мастеру чарку.

Корабельный мастер. Во здравие твое! (Пьет, уходит.)

Денщик впускает адмирала.

Петр. Здравия желаю, господин вице-адмирал!

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Адмирал. Мейн герр шаутбенахт!

Петр. Я вас позвал, чтоб вам сказать: у вас эскадра неисправна, и ежели и впредь вы будете так поступать, легко живот свой можете вы потерять!

Адмирал. Государь! Виноват!..

Петр. Не люблю повторять. Ступайте!

Адмирал уходит. Входит кабинет-секретарь Макаров с бумагами.

Макаров. Государь!

Петр. Господин кабинет-секретарь, садитесь.

Макаров подает Петру бумагу.

Макаров. Дворянин Головин человека стал бить и забил его насмерть.

Петр. Ах, он темный злодей! Ну, я выжгу из них сии пакости! Пиши – быть ему в каторге!

Макаров пишет, потом подает Петру другую бумагу.

Петр. Да, беда. Что рожают, в том нету стыда, а вот стыд – сих младенцев отмеривать. Не щенки они, люди, ведь жалко их! Строить им при церквах гошпиталии, чтобы матери тайных младенцев сдавали бы!

Макаров подает бумагу.

Макаров. О зазорных младенцах велели мне доложить.

Петр (прочитав). Им немедленно ехать туда, где канал проведен из океана в море Медитеранское, и в другие места, где есть доки, каналы и гавани, чтоб могли присмотреться к машинам и прочему. Посылай их не мешкая!

Макаров (кланяется). Государь... (Выходит.)

Дверь открывается, и гренадер вводит Ивана Моркова. Морков в подряснике.

Петр. А, давно поджидал! Господин вологодский помещик! Так ты, стало быть, Морков Иван?

Морков. Был Иваном в миру, государь, а теперь Иосаф я смиренный, недостойный иеродиакон.

Петр. Вот как? Ну, так здравствуй, смиреннейший диакон! (Начинает таскать Моркова за волосы.)

Морков. Ох... Ох... Ох... Царский гнев пуще боли терзает...

Петр. Как же мне подлеца не терзать? Ах, ты тать! Для чего же тебя, дармоед, посылали в Венецию? На казенные деньги учить навигацкой великой науке? Он науку прошел и казенные деньги сожрал и, вернувшись, нырнул в монастырь! Отмочил преизрядную штуку!

Морков. Убояхся соблазну мирского...

Петр. Да ты знаешь ли, кто ты таков?

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Морков. Сволочь, что ль, государь?

Петр. Угадал, окаянная сволочь! Ну, так я тебя в службу верну! А пока в каземат!

Гренадер выводит Моркова.

Денщик входит.

Денщик. Царевич приехал!

Входит Алексей.

Петр. Здравствуй, сын!

Алексей. Здравствуй, батюшка! Как твое драгоценное здоровье?

Петр. Ну, рассказывай, сын, как ты жил, где ты был?

Алексей. Был в далеких краях, все свершил, что мне было указано.

Петр. А! Сие хорошо! Ну, с приездом, мой сын! Эй, вина!

Денщик подает вино.

Петр. Алексей. Твое здоровье!

Петр. Рад безмерно я, зон! Возвратился на родину вовремя! Поздравляю тебя – ожидаем поход, и поход состоится великий! Чиним флот, собираем народ, будет двести галер, двадцать тысяч солдат! Чаем шведов порядком порадовать! Ну, с приездом, мой сын! Да науки-то ты не забыл? Чай, духовные книги читал? Сознавайся, мой сын!

Алексей. Что вы... нет, государь! Обращался в науках прилежно я... все свершил, что ты мне приказал, с божией помощью.

Петр. Ну, добро! И не терпится мне посмотреть, как успел ты в чертежной науке. Ну, садись, принесу чертежи... (Подходит к шкафу, ищет чертежи, выходит в другую комнату.)

Алексей. Вот напасть! И нежданно, и негаданно... Ведь заставит чертить, а я циркуля в руки не брал! Ненавижу чертежное дело! Светы батюшки, что же мне делать теперь? А тут этот проклятый поход! Вот уж нет на него угомону!.. Осрамлюсь! Знаю батюшкин нрав! Ох, и тяжко придется... Эх, была не была!.. (Берет пистолет со стола, стреляет себе в руку.)

Петр появляется в дверях с чертежами. Вбегает Денщик.

Ох, прости, государь! Взял пистоль поглядеть, зацепил за курок!..

Петр (Денщику). Давай лекаря!

Вбегает караул. Денщик убегает. Петр разрывает платок, перевязывает руку Алексею.

Входит лекарь, берет Алексея под руку, выводит.

Петр двинулся за Алексеем, потом останавливается, осматривает пистолет, смотрит на чертежи.

Нет, не может быть! Не хочу сему верить! Не верю!

Занавес

Акт второй

Картина третья

Через несколько лет.

Лето. Верфь в Адмиралтействе в Петербурге. В лесах – киль громадного корабля. В стороне отблески в кузнечных горнах. Плотники облепили киль, работают. Со стороны горнов разносятся время от времени тяжкие удары молотов. Петр с топором работает среди плотников.

Плотники. Эх, кручина ты, едучина, эх, кручинушка моя!

Кузнецы (за сценой). Эх, раз! (Удар.)

Плотники. Коли хочешь без кручинушки прожить, приезжай к нам на Неву-реку! Ах, Нева, Нева-река, холодна да глубока! Как на той на реке чудный город растет, быстро строится. Как из топи, из болота вылезает вдруг ворота, да тесовые, да тесовые!

Кузнецы (за сценой). Делай два! (Удар.)

Плотники. Наши Плотники-соколики, как возьмут они топоры, махнут вверх, махнут вниз, отходи, поберегись! Эх, топоры звенят, только щепочки летят!

Кузнецы (за сценой). Три! (Удар.)

Голос. Шабаш!

Плотники покидают сцену. Петр с топором один обходит киль и удаляется.

Меншиков выходит в парадном кафтане и в орденах.

Меншиков. Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его!.. Аки отрок, иду прямо в печь, печь же огненная... Чует сердце, что гневен он... Ох, идет!

Петр (выходит). А, светлейший князь! В добром здравии ли?

Меншиков. Ох, нет, государь, уж какое тут здравие? Час от часу печали мои умножаются, а домашние плачут кругом, убиваются. Кровью харкаю я, видно, скоро уж мне отходить, недостойному!

Петр. Вишь ты, горе какое!.. Вот горе то!.. (Внезапно.) Ах ты, сукин ты сын!! Что ты сделал в губернии, разбойник, вертеп? Грабежом промышлять начинаешь? Ты кого раздеваешь, народ? Я тебя за казну четвертую! За народный алтын сорву голову, волчью глотку твою залью оловом! Кто ты, князь али вор? Ну, так я те хоромы пожалую, да высокие, с перекладиной!

Меншиков. Гнева я твоего ужасаюсь, обнесли меня, царь, супротивники...

Петр. А, так ты запираешься?.. (Вынимает бумагу из кармана штанов, показывает ее Меншикову.) А сие ты читал? На кого здесь написан донос, и донос справедливый? Палача мне сюда, палача! (Бросается на Меншикова, схватывает его за глотку, потом начинает срывать с него ордена.)

Меншиков (вырвавшись). Бей, руби! Руби голову, а Андрея не трожь Первозванного! За бои мне Андрей был пожалован, аль забыл про сие? (Бросаясь на колени.) О, мейн фронт, крест не трожь! Своей скверны и сам ужасаюсь, бес поугал меня, бес

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
глаза помутил! Ты прости, государь, окаянного!

Петр (утихая). Что те надобно? О, несытый зверь! Вознесен паче всех, весь ты в золоте, что те надобно? Ведь ты был у меня, как сосуд драгоценный и избранный! Без порока ты был, из немногих ты первый!

Меншиков. О, прости, государь!

Петр. Поклянись мне!

Меншиков. Клянусь!

Петр. Что украл, все вернешь!

Меншиков. Все верну...

Петр. А коль клятву нарушишь, то знай, я тебя вдругорядь не помилую. И умна голова и нужна, а как с плахи слетит, не подынешь ее никогда. Ведь ты знаешь меня?

Меншиков. Как не знать, государь?

Петр. Уходи с моих глаз.

Меншиков. Всепокорнейший ваш, всенижайший слуга. Первозванному свечку скорее, видно, он меня от смерти спас. (Уходит.)

Петр один. Появляется Алексей.

Алексей. Легче б мне в лихорадке лежать, чем сюда на леса подыматься. (Оглядываясь.) Тьфу ты, сгинь, парадиз на болоте!.. (Выходит к Петру.) Здравствуй, батюшка. Звать изволил меня, государь?

Петр. Слушай, зон, завещанье мое, тестамент мой последний и важный. Стал хворать я, мой сын, видно, годы не те, а я есмь человек, как и каждый. Как уйду я под смертную сень, кто же дом наш российский управит? Ты, мой сын, но гляжу на тебя, ужасаюсь, мой сын, и печаль мое сердце терзает. Ты отцовского дела не любишь, с чернецами связался, мой сын, и в безделии время ты губишь. Одряхлел и ослаб, что враги мои в сердце сыновнем посеяли? Раб ленивый, евангельский раб! Где советы мои? Видно, ветры их в поле развеяли! Ты ж не слеп! Погляди, чего моим бедным трудом для России повсюду достигну! Видишь, город стоит, где в болоте гнилом были черные нищие хижинки! Так из тьмы нищеты подымается новое царство! Я умру... Отвечай, как управишь сие государство? Отвечай, ненавидишь ты новое? Повернешь ты все вспять, в тьму невежества?

Алексей. Что ты, царь, государь! Смее ль я ненавидеть твой труд многославный? Только я человек маломощный умом, я сызмальства худой, неисправный, и боюсь я наследство принять, и не в праве я! А тебе, государь, дай господь многолетнего доброго здравия!

Екатерина появляется в сопровождении Денщика и, остановившись в лесах, следит за сценой. У Денщика в руках поднос с закуской.

Петр. Лжешь, мой сын, и ведь как хитро лжешь! Стоит всем на тебя подивиться! Но я знаю, я знаю один, что под сими словами таится. Ну, так слушай мой сказ: иль со мной заодно, иль вон от меня, уходи в монастырь!

Алексей. Буди воля твоя, государь! Где ж идти за тобой непотребному слабому сыну? Со смиреньем прошу, государь, монастырского черного чина.

Петр. Вот сказалася правда твоя! Ты не сын мне, не сын! Кто родил тебя – волк и волчица? У, монахи, проклятые птицы! Зло сие все от них и содеялось! Что ответил ты мне, ах, злодей?! (Лицо Петра искажается, он садится, потом поднимается.)

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Алексей (отступая). Боже, господи, заступитесь...

В это же мгновение Екатерина, сделав знак Денщику, быстро выходит и преграждает Петру дорогу.

Петр. Прочь с дороги, уйди! Что тебе, Алексеевна, уходи!

Екатерина. Что ты, батюшка, ангел ты мой! Куда ж уходить от тебя?

Петр. Нет, пусти, говорить буду с ним...

Алексей. Заступись за меня, Алексеевна!

Екатерина. И не время теперь говорить... Вам обедать пора, господин Адмирал, аль забыл про регламент? Слушай, слушай!

Пушечный удар, потом по ветру начинает лететь перезвон курантов.

Вишь, из пушки палят и куранты звенят, Адмиральский час! (Берет у Денщика поднос, знаком отпускает Денщика.) А ты, царевич, шел бы с богом, теперь не время говорить.

Петр. Одумайся, мой сын, я срок тебе даю!

Алексей кланяется и уходит. Петр выпивает чарку, потом садится на бревно. Екатерина ставит поднос, садится рядом с Петром.

Петр. Алексеевна, скажи, что их, ржа, что ли, ест? Иль один я не прав, Алексеевна?

Екатерина. Прав ты, батюшка, прав, государь, только сей час не думай, закусывай. На все время свое, на все час положен, а поешь, я тебя на корабль провожу, я тебя отдыхать уложу, я те локти худые заштопаю. Хорошо тебе спать в бригантине твоей, разлюбезное, славное дело! В борт волна тихо бьет, хорошо на Неве тебе спитися... А заснешь, тут и сон расчудесный придет, гладь, приятное тут и приснится... (Гладит голову Петру. Петр закрывает глаза, затихает.) Хороши корабли, хороши, нету в них никакого изъяну, и «Штандарт», и «Самсон», и «Ричмонд», и «Армонд», и проворная шнява «Диана»! Плещут гюйсы на всех кораблях, и прилажены накрепко снасти, и с эскадрой плывет Адмирал, корабельный Михайлов, наш мастер. Фордевинд задувает в корму, мы догоним коварного шведа! И не плавать на море ему, и не видеть над нами победы! Эй, гляди... Шаутбенахт! Гляди в ночь, Адмирал!

Опять начинают звонить куранты.

Показывается кабинет-секретарь Макаров с бумагами. Екатерина делает ему знак, и он скрывается.

Занавес

Картина четвертая

Ночь. На мызе Алексея под Петербургом. За столом Алексей, протопоп, дьяк, дьякон, подьячий, юродивый и несколько монахов. Все пьяны.

За окнами – ветер и дождь, гнилая осень.

Алексей. Афанасьев Большой, подавай сулею! Что, заснул там, на конике?

Афанасьев подает водку.

Дьяк. Эй, отцы, наливай, не зевай! И попьем, и споем, и в литавры побьем!

Подьячий. С какой радости?

Дьяк. Как у Фили мы пили, потом Филю побили...

Подьячий. Охо-хо, о-хо-хо, о-хо-хонюшки!..

Алексей. Что вздыхаешь, отец, что невесел стал?

Подьячий. Как же нам не вздыхать? Как посмотришь кругом, что же в царстве теперь у нас делается? Церкви божию царь разоряет, на войне нашу кровь проливает... Тяжело, тяжело, тяжелехонько... Лес рубить не велит, даже рыбку ловить не велит! Да ведь рыбка в воде не царева, а божья. Вон и с мельниц берут, даже с пчелок дерут... Крест с груди уж последний снимают!

Монахи. Правда, Федор, твоя, горько нам, тяжело, тяжелехонько!

Подьячий. Вот и пала мне мысль: уж не время ль антихристу бытгь? Не у нас ли он в царстве родится?

Дьяк. Чур меня!

Протопоп. Эх-хе-хе, что толкуешь, родится, родится!.. Ведь ты грамотный, чай? Про антихриста что в книгах сказано?

Монахи. Не томи, говори, что там сказано?

Протопоп. В синаксари приметы даны, и понятны приметы для всякого. Он родится от блудной жены и от Дана, от сына Иакова. Ну, а Дан тот есть аспид и змей, выползает он в тьме на дорогу, и тогда уж не ездят по ней, уязвляет он конскую ногу!

Монахи. Ох, ты, господи, господи, господи!

Протопоп. Погодите, не все! Как придет гордый князь, как антихрист придет, назовут его... назовут его... назовут его Петр!

Монахи. Ох, ты, господи! (Крестятся.)

Алексей. Вон куда ты метнул! Берегись, Протопоп! Ну, а впрочем, чего не бывает!

Юродивый (приплясывая и гремя веригами). Лежит дорога, а через тае дорогу – колода. По той дороге идет сатана, несет он кулек песку да ушат воды. Песком ружье заряжает, водой ружье заливают... Тьфу, сгинь! Как в ухе сера кипит, чтоб в ружье твоим порох кипел! Монарх ты наш Петр, буди проклят!

Протопоп. Царевич, не серчай! Воззри хоть ты на нас, светлопорфирный! Утешь несчастных, поддержи, нам тяжело!

Монахи. Ох, тяжело нам!

Алексей. Чего вы завывали, как бабы? молчать! Слушайте все мое слово царевича! Плох становится наш государь, и недолго уж бедным нам маяться. Час настанет, помрет государь, не успеет он даже покаяться... (Афанасьев в ужасе подбегает к Алексею, но тот его отталкивает и продолжает.) Похороним его, и взойдет на престол новый царь Алексей!

Монахи. Светлый ангел ты наш!

Алексей. Я отцовской стезей не пойду, старине я остануся верен. Корабли потоплю или сожгу, корабли я держать не намерен. Питербурху не быть, не мечтай, государь, на Москве буду жить, как и жили мы встарь, буду жить я в великом покое! И увидим опять, в блеске дивных огней, нашу церковь соборную радостной,

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
разольется по всей по родимой Руси звон великий и мерный и сладостный! Я верну
благочиние, верну, благолепие станет чудесное! И услышим опять по церквам на
Руси православное пение небесное! Не могу выносить я порядков отца, омерзело мне
все, ненавижу его! Умирай, умирай!

Грохот в дверь. Все вскакивают в ужасе.

Монахи. Помилуй нас, грешных, о, боже!

Все, кроме Алексея, скрываются.

Афанасьев открывает дверь, входит курьер.

Курьер. Письмо государя из Дании. (Подает письмо Алексею, уходит.)

Алексей (прочитав письмо). Отец зовет меня к себе. Опять война, поход и море. О,
горе мне, о, горе! О, призрак страшный, роковой, повсюду ходит он за мной,
гнетет меня и давит! Нет, никогда меня он не оставит... Что делать мне?
Ослушаться, не ехать? Прикинуться больным? Нет, страшно мне бороться с ним.
Довольно! И знаю я, что сделать мне. Афрося, фрося!

Ефросинья (входит со свечой). Чего кричишь, царевич? Спать пора. Огни повсюду
погасили, у нас одних дым коромыслом. Ужели мало тебе дня?

Алексей. Афрося, любишь ли меня?

Ефросинья. А для чего же не любить? Люблю, на то и полюбовница твоя.

Алексей. Прислал мне царь письмо, зовет с собой в поход, грозит монастырем, коль
не поеду. Я ехать не хочу к нему, и я бежать надумал.

Ефросинья. Куда бежать? Опомнись, что ты!

Алексей. Куда нам скрыться, знаю я. Мы тайно проберемся в Вену, там цесарь –
родственник и друг, не выдаст нас, он нас укроет.

Ефросинья. Я не хочу в чужие страны, чего я не видала там? Тебя отец разыщет и
пошлет на плаху за измену, мне страшно, я боюсь, оставь меня!

Алексей. Вот какова твоя любовь! А я смотрел в глаза тебе, я на коленях пред
тобою ползал! Царевич я, а стал твоим рабом! Змея ты подколодная, змея! Меня ты
зельем опоила, приколдовала, а теперь оставить хочешь! Нет, не бывать тому!

Ефросинья. Не силой я тебе на шею навязалась! Искал бы ты себе жену среди
принцесс! Ведь я дворовой девкою была... Ты сам ввел в грех меня, ославил,
обесчестил! Оставь меня и поезжай, а я боюсь царской мести!

Алексей. Так не поедешь, бросишь? Ин будь по-твоему! Не доставайся ж никому!
(Выхватывает нож.)

Ефросинья. Убьет, убьет! Ой, страшно мне! Царевич, пожалей, не убивай! Прости
меня, свою рабу, по глупости я обронила слово... Алеша, глянь, ведь это я, твоя
Афрося!

Алексей. За что меня терзаешь ты, злодейка?

Ефросинья. Прости и позабудь! Покорно за тобой поеду на край света, лелеять буду
я тебя, я против слова не скажу.

Алексей. Афрося, верь мне, дай мне срок, я на тебе женюсь, венцом прикрою грех
пред богом и людьми. Когда же стану я царем, и ты царицей будешь! Я одного
прошу, люби, не покидай меня!

Ефросинья. Царевич, я люблю тебя!

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Алексей. Там, в чужих странах, мы сыщем покой, там нас укроет могучий и ласковый цесарь, там мы грозу переждем!..

Ефросинья. Там, в чужих странах, стану твоею женой; верной подругой твоею!..

Алексей. Верной и вечной!..

Ефросинья. Вечной и верной!..

Алексей. В края чужие, но не навек! Доверься мне, мы жизнь свою спасем, там сгинут горести, пройдут печали, там ждет нас счастье и покой!..

Ефросинья. В края чужие, там пройдут печали, там ждет нас счастье и покой! Я верю, я твоя, царевич!

Алексей. Клянись мне, что ты моей до гроба будешь! Клянись!

Ефросинья. Клянусь тебе, твоя навек, твоя, Алеша!

Алексей. Не будем медлить, не будем медлить, бежать!

Ефросинья. Бежать, бежать!

Занавес

Акт третий

Картина пятая

Кабинет Петра во дворце в Петербурге. Ночь. Петр один за столом.

Входит Ефросинья.

Петр. Ну, здравствуй, Ефросинья Федоровна! Вернулись вы? Я рад тебя увидеть. Как поживала на чужбине с изменником моим?

Ефросинья. Прости меня, всемилостивый государь! Бежала я не волею моею, он силою увлек меня, злодей! Постыла мне была чужбина, я руки на себя едва не наложила, и всякий день его вернуться я просила. Прости, помилуй, государь!

Петр. Да, много крови стоила его измена! А голова твоя мне не нужна, но надобна мне правда, а правду знаешь ты одна. Какие замыслы питал он, когда он к кесарю ушел? Что замышлял он против царства? Живой уйдешь, коль истину откроешь, единый волос с головы не упадет, клянусь я в том судом, который всех нас, смертных, ждет!

Ефросинья. Великий государь! Тебя царевич ненавидит люто и смерти он тебе всегда желал. Сама я слышала, как он при пьяных чернецах тебя бранил и проклинал! А к цесарю бежал он для того, что чаял бунта в государстве, он чаял, что тебя убьют, а он, вернувшись, сядет на престол. И говорил он мне, что всех твоих друзей он смертию казнит и новых изберет себе по воле. А воля его в том, чтоб все, что сделал ты, смести с лица земли. Вот правда сущая моя!

Петр. Сын мой, за что ты послан мне, зачем тебя зачал я? Зачем я вырастил тебя, чтоб смертную печаль ты причинил моей отчизне? (Ефросинье.) Все, что сказала ты, мне клятвой подтверди, но не солги, или она твоей последней будет клятвой!

Ефросинья. Клянуся богом всемогущим, клянуся праведным судом!..

Петр. И жизнью сей!

Ефросинья. И жизнью вечной, что правду всю тебе сказала, не таясь!

Петр. Да, ты сказала правду. Ступай, живи, и так живи, чтоб я не вспоминал тебя!

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ефросинья. Великий государь, спасибо!

Петр. Прощай!

Ефросинья уходит, впускают Алексея.

В последний раз тебя призвал я, сын мой, для того, чтоб, наконец, услышать правду.

Алексей. О, царь, ты жизнь мне обещал, и голос твой услышал я, и я на родину вернулся. Я всех назвал злодеев, меня толкнувших на побег, а покаяние принес смиренно. О, царь, ты жизнь мне обещал!

Петр. И жизнь твоя с тобой, ты предо мной стоишь живой, но ты в обмен на жизнь мне правду обещал, но обещанье не сдержал! Злодеев многих ты назвал, их головы уже на кольях! Но правды нет как нет, и главного злодея я не знаю. А он, быть может, ходит здесь, таится где-то между нами и царству гибелью грозит! Откройся мне в последний раз, скажи, что замышлял, когда ты к кесарю бежал? За правду участь облегчу твою. Скажи, хотел ли моей смерти, чтоб захватить престол и уничтожить все, что сделал я?

Алексей. О, что ты, царь? Зачем ты оскорбляешь страшным подозреньем смиренного и верного раба? Злохитрых умыслов я не питал. Злодеи слабый ум мой помутили, и я послушал чернецов. Искал у цесаря я жизни легкой и спокойной, вдали от тягостных трудов. Я горько плакал на чужбине, я чувствовал, что погубил себя, но предан был тебе я там, как вечно предан ныне.

Петр. Какое сердце надобно иметь, чтоб в страшный час перед судом отечества стоять, в лицо судье смотреть, в лицо мне лгать!

Алексей. Все правда, государь!

Петр. О, нет! А правда здесь была. Она стояла предо мной в одежде черной, как она сама! Я помню взгляд ее упорный, я помню все ее слова! Пойми, безумный, правду знаю я! Ты не смиренный раб, ты лжешь, но лжешь уже напрасно! Ты враг лукавый и опасный! Не мне, а государству враг!

Алексей. О, боже мой, я понял все! Изменница! Изменница! Меня ты не любила! О, прелесть женская, меня ты погубила! О, царь, ты прав, но я молю, услыши милосердья глас!

Часы бьют.

Петр. Нет, поздно, бьет последний час! Пройдут века, и нас не будет, но тени встанут из гробов! Тогда потомки нас рассудят! Эй, караул, ко мне!

Входит караул.

Ваше высочество, вы арестованы! (Караулу.) Ведите его в крепость!

Занавес

Картина шестая

Перед занавесом появляется Меншиков в маскарадном черном костюме голландского бургомистра и двое драгун с трубами. Драгуны трубят.

Меншиков. Да здравствует народ российский, да здравствует великая держава! Отец отечества и император Петр Великий всем объявляет, что мир со шведами мы заключили! Победоносный вечный мир! В знак радости Петр объявляет всенародный

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
праздник! (Надевает маску, драгуны уходят, вместо них появляются двое арабов с трубами.) Трубить сигнал к началу машкерада! (Скрывается.)

Арабы трубят и уходят.

Занавес открывается. Площадь в Петербурге, и за нею – Нева. Пирамиды бочек, возле которых гренадеры. Столы, на которых туши быков с золочеными рогами. Качели, флаги.

Появляются четыре фигуры в черных маскарадных плащах и масках, с барабанами. Бьют в барабаны, затем сбрасывают плащи и маски, оказываются Петром, Бутурлиным, Чернышевым и Мамоновым, в костюмах голландских матросов. Занимают места за главным столом.

Петр. Начинайте великое шествие!

На площадь хлынул народ, стал размещаться у бочек и за столами. Гренадеры выбивают дно у бочек, начинают угощать народ. Начинается шествие.

Первым на троне несут князя-кесаря в горностаевой мантии, в игрушечной золоченой короне и со скипетром.

За троном идут в шуточной старинной одежде рынды в громадных шапках, с чудовищными секирами.

Народ. Глянь-ка, глянь-ка туда, вишь, на троне несут князя-кесаря! Здравствуй, кесарь-князь, здравствуй, батюшка!

Петр. Князю-кесарю низко кланяюсь! Пресветлейший король, заключили мы мир, вечный, радостный!

Князь-кесарь. Вот приказ от меня, чтоб гулять вам три дня, да без отдыха. Чтоб из пушек палить, чтоб плясать вам и пить, но без просыпу! А кто вздумает спать, того в пиве купать вверх ногами!

Народ. Ой, грозен кесарь-князь! Мы такого, как князь, не видали отродясь!

Князя-кесаря проносят к столу и усаживают.

Затем вслед за тремя камер-юнкерами идет Екатерина в костюме голландской крестьянки, за нею – строй испанок, затем – нимфы, негритянки, скарамуши, арлекины, персиянки, за ними – приплясывающие монахи с игуменьей.

Екатерина. Привела на пир с собой я красавиц целый рой! Здесь голландские крестьянки, негритянки, персиянки, и монашки, и испанки!

Князь-кесарь. Да какие все красотки! Наливай монашкам водки!

Екатерина занимает место за столом. Игуменья поднимается к князю-кесарю, обнимает его и целует, садится рядом с ним на ручку трона.

Народ. Эх, хлебнула мать вина! Глянь, игуменья пьяна!

Идет герцог голштинский со свитой. Все в костюмах французских виноградарей.

За ними гамбургские бургомистры в карикатурных париках, во главе с Меншиковым.

Строй римских воинов. Турки, китайцы. Испанцы. Капуцины, доминиканцы.

Затем несут князя-папу на громадной бочке. За ним едут его кардиналы в мантиях верхом на волах.

Петр. Князю-папе, всесвятейшему, всешутейшему многая лета!

Народ. Хорошо отцы спасаются! Только пьют да высыпаются! Кардинал-кавалер! Кто же пить тебе велел!

Князь-папа. Наливайте, отцы, чарочки! Одну выпил, выпьешь парочку! Выпьем, в дно побарабаним и в рога коровьи грянем!

Кардиналы трубят в рога.

Несут Бахуса с виноградными гроздьями. За ним идет сатир. Далее – Карлики, за ними – великаны.

Народ. Ох, и чудища, ох, и страшные!

За великанами – верхом на медведях едут карикатурные бояре с отрезанными бородами и укороченными полами боярской одежды.

За ними – шуты с пузырями, наполненными горохом.

Народ. Глянь, бояре стали молоды! Отхватил им царь наш борода!

Шествие кончается, и, когда все занимают места, выходят арабы, трубят сигнал, и после этого начинаются танцы.

Первыми танцуют голландские крестьянки, за ними – турки. Потом – сатир и нимфы, потом французские виноградари, за ними – испанцы и, наконец, медведи.

Потом Петр вскакивает на стол, дает знаки голландским матросам, те начинают пляску, и затем эта пляска становится общей. В воздухе полетели качели с горожанками.

На Неве показывается корабль, на нем фигура морского чудовища, на чудовище – сидящий Нептун с трезубцем.

Занавес

Акт четвертый

Картина седьмая

Осенняя ночь. Буря в Финском заливе.

Солдаты (вдали). Ох, буря! Ох, разгулялася!.. Взбушевалась вода, взбушевалась!.. Хоть и крепки канаты пеньковые, широки паруса полотняные, не случилось бы страшной напасти, не порвало бы ветром нам снасти! Взбушевалась вода, взбушевалась!

Слышен удар.

Ой, беда! Ой, беда приключилась!

На мель выбрасывает бот с солдатами. Бот кренится, его начинает захлестывать волной. Солдаты борются с волнами.

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Пропали головушки бедные! Нету в море солдатам спасения! Помогите! Помогите нам!!

Солдат. Был один-то, один я у матери, берегла меня мать пуще глазу! И забрали меня в службу царскую, и забрили мне лоб по указу!.. И послали меня сюда, на море... злые ветры вдруг поднимались, море грозное вдруг всколыхалось... За что погибает солдат? Помогите!!

Солдаты. Не фузеюшки во поле грянули, не свинчатые пули свистнули, не в бою положили мы головы! Нам в пучине морской погибать! Помогите!!

Матросы (далеко сквозь бурю). Кто там в море и плачет и стонет? Отзовитесь, кто в море тонет? Где вы?

Солдаты. Услышали нас! Здесь Солдаты на отмели тонут! Пропадают их души христианские! На отмель держите! На отмели мы!

Петр (вдали сквозь бурю). Слышим, слышим мы вас! К вам на помощь корабль приплывает! Не робейте, Солдаты, держитесь! Я на помощь иду, я на помощь иду!

Солдаты. Слышим голос его! Слышим, батюшка, Петр Алексеевич!

Солдат. Поздно... нет моих сил!..

Блеснул свет фонаря. Показались шлюпки, в первой из них трюмная фигура Петра.

Петр, увидев тонущего солдата, выбрасывается из шлюпки, по горло в воде приближается к тонущему солдату. За Петром выбрасываются из шлюпок матросы, плывут на помощь к солдатам.

Занавес

Картина восьмая

День. Комната во дворце. Петр лежит в тяжком забытьи. Рядом с постелью его в шатре – походный алтарь, в нем огни. Слышны печальные колокола.

Екатерина (у алтаря). Услышь, услышь мои моления, не отыми, не отыми! Ты сжался над его мученьем, с постели смертной подыми! Ужели голос мой молящий не прилетит в золотой чертог? Стенанья женщины скорбящей услыши, милосердный бог!

Хор колодников (за сценой). Колодники мы разнесчастные, понапрасну мы чуть не погинули, заковали нас в цепи железные и на шею нам петлю накиннули. Но услышал он наши стенания и открыл он темницы холодные. Дай за то ему, господи, здравие! Пожалел он несчастных колодников!

Петр (очнувшись). Кто за окнами плачет и молится?

Екатерина. Повелел ты темницы открыть. За тебя, Петр, колодники молятся.

Петр. Видно, худо мне?

Екатерина. Что ты, батюшка, что ты, сокол мой? Скоро станешь здоров нам на радость всем!

Петр. Скажешь правду аль нет, Алексеевна?

Екатерина. Нет, не стану я лгать, плохо, плохо тебе! Худо так, как еще не бывало! И стоит в церквах плач, и стоит в церквах стон, и толпа на колени упала! О, мой свет, о, мой друг, я устала молиться, и надежд у меня уже нету! Ты великое дело свершил, вывел нас ты из тьмы прямо к свету, ты моря покорил, и за то тебя море убило! О, великий ты мой командор, без тебя как останусь одна?

Петр. Спасибо за все, что сказала, жена, хорошо, что ты правду открыла. Ты не плачь, о, сердечный мой друг!

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Екатерина. Ах, печаль, ах, печаль!..

Петр. Завершается круг!..

Екатерина. О, смертельная тяжкая мука!

Петр. И идет мой корабль на причал!

Екатерина. И грозит мне с тобою разлука!

Петр. Почему потемнело вокруг? Свету дайте мне, свету! Катерина, не медли, зови их скорее, зови!

Екатерина. Все скорее сюда! Император зовет!

Поспешно входят двое лекарей, за ними Анна, Меншиков, Толстой и Бутурлин. Лекаря бросаются к Петру.

Петр. Хочу волю свою объявить... дай перо...

Анна подает перо и бумагу.

Но что со мной? Рука перо не держит... (Роняет перо.) Так знайте ж все, я завещаю... отдайте все... отдайте все... О, что со мною? Огня сюда! Я вас не вижу! Темно! Потухло солнце!.. (Затихает.)

Екатерина. О, Питер мой!

Лекарь. Он больше в память не придет.

Бутурлин, Екатерина, Толстой. Что делать нам? О, всемогущий, боже!

Меншиков (Бутурлину). Зовите гвардию немедленно к дворцу!

Темно. Закрывается комната во дворце. Послышались тревожные сигналы труб. На полуосвещенной авансцене пробегают преображенцы, бросаются к козлам, разбирают мушкеты, убегают. Послышался грохот барабанов.

Занавес

Картина девятая

Затем открывается зал во дворце. Ночь. Множество свечей. Две группы вельмож, во главе первой – Голицын, Долгорукий, Репнин. Во главе второй – Толстой, Апраксин-старший, Бутурлин.

Меншиков (входит поспешно). Он в память больше не придет. Своей он воли не объявит. Итак, решайте вы, кто будет русским царством править!

Первая группа. Тут долго нечего гадать. Единый есть наследник царской крови – сын Алексея!

Вторая группа. Нет, не бывать тому, мы не согласны!

Первая группа. Междоусобной брани вы хотите? Кто на престоле быть достоин?

Меншиков. Лишь тот, кто будет продолжать его великие деянья! Она одна, Екатерина! Она постигла тайны управления, ей их доверил Петр! Она умна и милосердна, храбра и любит свой народ!

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Первая группа. Мы не согласны!

Внезапно слышались барабаны, полковая музыка и песня.

Гвардия (за сценой). Встань, очнись, государь, выйди к гвардии! К тебе Гвардия идет, тебя Гвардия зовет, государь наш! Все полковники здесь, все майоры тут, при знаменах идут, тебя кличут, зовут, наш полковник!

Репнин. Кто смел гвардию звать без меня? Разве я не фельдмаршал?

Бутурлин. Я велел ей прийти! Пусть она свою волю вам скажет!

Репнин. Хочешь бунта, злодей?

Меншиков. Бунта нет! (Открывает дверь.) Здравствуй, Гвардия Петрова!

В зал входит громадная толпа гвардейцев-офицеров.

Репнин. Что надобно вам здесь?

Гвардия. Хотим мы знать, что с императором?

Меншиков. Он память потерял, текут его последние минуты! Кто поведет вперед Россию?

Гвардия. Она в походы с ним ходила, делам его была верна, и Гвардия ее всегда любила! Да здоровствует полковника жена!

Репнин. Что делать нам?

Первая группа. Их сила, князь, нам надо соглашаться!

Екатерина (вдали). О, горе нам! О, горе нам!

Меншиков поспешно уходит и тотчас возвращается.

Меншиков. О, горе нам! Скончался Петр Великий!

Первая и вторая группы. В сердцах смятение и страх, кто выведет Россию на дорогу? Он умер, умер!

Гвардия. Он умер, но в гвардии не умрет любовь к Петру, земному богу!

Занавес

Конец

13 сентября 1937 г.

Краткие комментарии

В ОР РГБ хранятся подготовительные материалы и две редакции текста либретто, начатые и законченные, с 7 июня по 1 сентября 1937 года в Москве и Житомире. Автограф в двух тетрадях, чернилами и карандашом. С авторскими пометами красным карандашом. Сохранилась и третья редакция, завершенная 13 сентября 1937 года.

Автограф второй редакции и третья редакция (машинопись) существенно отличаются друг от друга.

Машинописная редакция (третья) либретто была опубликована в журнале «Советская музыка», 1988, № 2; затем: Булгаков М. А. Черное море. М., Советская Россия,

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
1989; Булгаков М. А. Кабала святош. М., Современник, 1991. (Составители: В. И. Лосев, В. В. Петелин).

Публикуется по расклейке последнего издания, сверенного с машинописью, хранящейся в ОР РГБ, ф. 562, к. 16, ед. хр. 12.

Творческий замысел либретто возник в ходе работы над «Мининым и Пожарским». Мысли о Петре витали в воздухе. Алексей Толстой работал над романом «Петр Первый», – шла дискуссия о его личности и его времени, высказывались различные точки зрения, и вообще, по разным причинам историческая проблематика становилась актуальной.

Работа над «Мининым» была в самом разгаре, а Б. В. Асафьев 12 декабря 1936 года писал Булгакову: «...Намерены ли Вы ждать решения судьбы «Минина» или можно начать думать о другом сюжете уже теперь? Сюжет хочется такой, чтобы в нем пела и русская душевная боль, и русское до всего мира чуткое сердце, и русская философия жизни и смерти. Где будем искать: около Петра?» (Письма, с. 396).

А 13 февраля 1937 года Булгаков писал Асафьеву: «Ко мне обратился молодой композитор Петунии и сказал, что хочет писать оперу о Петре, для которой просит меня делать либретто.

Я ему ответил, что эта тема у меня давно уже в голове, что я намереваюсь ее делать, но тут же сообщил, что Вы ее уже упомянули в числе тех, среди которых ищите Вы и, что если Вы захотите осуществить Петра, я, – конечно, буду писать либретто для Вас.

Итак, желаете, делать Петра или хотите остановиться на чем-нибудь другом, насчет чего мы с Вами можем подумать?

Если Петра не хотите, я скажу Петунину, что Петр свободен, а так как я все равно либретто это, полагаю, буду делать (если Большой примет тему, то пусть он сговаривается с Большим, пробует, тем более, что он строит свои надежды на этой опере...»

16 февраля 1937 года Асафьев писал Булгакову:

«... Петра обязательно со мной. Я подбираюсь к нему давно и не хотел бы ни его, ни Вас уступить кому-либо...» (Письма, с. 397).

Прежде всего М. А. Булгаков подобрал книги по заинтересовавшей его теме. В ОР РГБ сохранился список источников, которые послужили документальной основой либретто: Это прежде всего С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 14–18, К. Валишевский, А. Брикнер, С. Чистяков, Шубинский, Записки Юста Юля, Дневник камер-юнкера Берхгольца, М. Пыляев о Старом Петербурге, Письма русских государей. С особой тщательностью М. Булгаков изучал книгу А. Брикнера о царевиче Алексея, стараясь разгадать характер царевича, понять его личность, его взаимоотношения со старым боярством и родным отцом.

7 июня 1937 года Булгаков начал работу над либретто. 15 июня Е. С. Булгакова делает очень важную запись: «М. А. сейчас работает над материалом для либретто «Петр Великий».

– Как бы убережь мне эту тему? Чтобы не вышло, как с «Пугачевым». Несколько месяцев назад М. А. предложил Самосуду тему Пугачев – для либретто. Тот отвел. А потом оказалось – ее будет писать Дзержинский – очевидно, со своим братом-либреттистом.» (с. 154)

В «Дневнике» отмечены и другие даты, когда Булгаков непосредственно работал над либретто, не только в Москве, но и в Житомире, где Булгаков отдыхал и работал летом 1937 года, в июле-августе. 21 августа М. А. Булгаков работает над «Петром».

22 августа Е. С. Булгакова записывает: «Зашла в дирекцию ГАБТ за М. А., слышала конец его разговора с Самосудом – что-то не вышло с «Поднятой целиной». Трудно будет М. А. У Самосуда престранная манера работы, он делает все на ходу. Ничем не интересуется, кроме своих дел. Он обаятелен, но, конечно, предатель. Он явно не хочет пустить Асафьева на «Петра». М. А. волнуется, считает, – что так

Петр Великий. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
поступить с Асафьевым нельзя – он переписывался с ним о «Петре», (с. 163).

17 сентября 1937 года Е. С. Булгакова отвезла экземпляр либретто в Комитет по делам искусств, передала секретарю Керженцева.

22 сентября: «Биндлер позвонил из Большого, сказал, что есть письмо Керженцева о «Петре».

Поехали за письмом. Это записка с заголовком «О Петре», состоящая из 10 пунктов. Смысл этих пунктов тот, что либретто надо писать наново...» (с. 167).

Приводим эту «Записку» с некоторыми сокращениями как характерный документ времени:

1. Нет народа (даже в Полтавской битве), надо дать 2–3 соответствующие фигуры (крестьянин, мастеровой, солдат и пр.) и массовые сцены.
2. Не видно, на кого опирался Петр (в частности – купечество), кто против него (часть бояр, церковь).
3. Роль сподвижников слаба (в частности, роль Меншикова).
4. Не показано, что новое государство создавалось на жестокой эксплуатации народа (надо вообще взять в основу формулировку тов. Сталина).
5. Многие картины как-то не закончены, нет в них драматического действия. Надо больше остроты, конфликтов, трагичности.
6. Конец чересчур идиллический – здесь тоже какая-то песнь угнетенного народа должна быть. Будущие государственные перевороты и междуцарствия надо также здесь больше выявить. (Дележ власти между правящими классами и группами).
7. Не плохо было бы указать эпизодически роль иноземных держав (шпионаж, например, попытки использования Алексея).
8. Надо резче подчеркнуть, что Алексей и компания за старое (и за что именно).
9. Надо больше показать разносторонность работы Петра, его хозяйственную и другую цивилизаторскую работу...
10. Язык чересчур модернизирован – надо добавлять колориты эпохи... Это самое первое приближение к теме. Нужна еще очень большая работа» (ЦГАЛИ, ф. 656, оп. 5, ед. хр. 9661. Цитирую по сборнику: Записки Отдела рукописей, вып. 49. М., Книжная палата, 1990, с. 220. Публикация В. И. Лосева).

После этого удара положение Булгакову казалось безвыходным. 23 сентября Е. С. Булгакова записала: «Мучительные поиски выхода: письмо ли наверх? Бросить ли театр? Откорректировать роман и представить?

Ничего нельзя сделать. Безвыходное положение» (с. 167).

2 октября Булгаков писал Асафьеву: «Не писал Вам до сих пор по той простой причине, что до самого последнего времени не знал, что собственно будет с моим «Петром». А тут еще внезапно навалилась проходная срочная работа, которая съела у меня последние дни.

Начну с конца: «Петра» моего уже нету, то есть либретто-то лежит передо мною переписанное, но толку от этого, как говорится, чуть.

А теперь по порядку: закончив работу, я один экземпляр сдал в Большой, а другой послал Керженцеву для ускорения дела. Керженцев прислал мне критический разбор работы в десяти пунктах. О них можно сказать, – главным образом, – что они чрезвычайно трудны для выполнения и, во всяком случае, означают, что всю работу надо делать с самого начала заново, вновь с головой погружаясь в исторический материал.

Керженцев прямо пишет, что нужна еще очень большая работа и что сделанное мною, это только «самое первое приближение к теме».

Теперь нахожусь на распутье. Переделывать ли, не переделывать ли, браться ли за что-нибудь другое или бросить все? Вероятно, необходимость заставит переделывать, но добьюсь ли я удачи, никак не ручаюсь.

Со многим, что говорил Пашаев, прочитавший либретто, я согласен. Есть недостатки чисто оперного порядка. Но, полагаю, выправимые. А вот все дело в керженцевских пунктах.

Теперь относительно композитора. Театр мне сказал, что я должен сдать либретто, а вопрос о выборе композитора – дело Комитета и театра. Со всею убедительностью, какая мне доступна, я сказал о том, насколько было бы желательно, чтобы оперу делали Вы. Это все, что я мог сделать. Но, конечно, этот вопрос будет решать Комитет.

Мне кажется, что если бы либретто было бы сделано и принято, Вам следовало бы самому сделать шаги в Комитете. И, конечно, если бы они дали хороший результат, я был бы искренне рад!» (Письма, 408).

16 октября 1937 года Е. С. Булгакова записала: «...Потом – долгий разговор с Керженцевым о «Петре», о «Минине». Смысл всего разговора, что все это надо переделывать...» (с. 172).

А через два месяца Керженцева сняли с работы. Какая уж тут доработка... И Булгаков отложил работу над либретто на неопределенное время, но так и не вернулся к тексту.

Вся беда была в том, что Керженцев не понимал специфику оперного либретто, предъявляя к нему такие претензии, какие можно было бы предъявить, допустим, к роману, драме или кинофильму. Ю. В. Бабичева в статье «М. Булгаков – либреттист в процессе становления литературного жанра» высказала немало интересных мыслей о специфике жанра либретто, которое до сих пор даже почтенные литературоведы считают «жанром-пасынком». «Не всякое явление действительности, – подчеркивала Ю. В. Бабичева, – может быть положено в основу оперного либретто. Музыка почти бессильна в изображении бытовой повседневности. Только мир сильных чувств, поднимающихся над уровнем обыденности, может стать содержанием оперного спектакля, а значит – его либретто. Драматическое действие здесь очень напряжено, но развитие его замедлено и схематизировано, напряжение же создается за счет психологического углубления ситуаций». «В опере, цепь внешних событий всегда значительно скупее, ограниченнее в сравнении с литературной драмой», ее действие держится на переживании героев» (в кавычки взяты слова Б. Ярустовского из его монографии «Драматургия русской оперной классики. М., 1952 г., с. 80 – В. П.)

Диалог либретто тоже отличает его от других драматургических жанров. Он может быть написан и в стихах и в прозе, но в обоих случаях немногословен, лишен «блесок языка» (П. Чайковский), какими так богата словесная ткань других жанров драмы. Вместе с тем, даже написанными в прозе, он обязан быть в отличие от обычной прозаической речи выразительно ритмизован, подчинен музыкальному строю оперы. Большое место, чем в произведении, предназначенном для драматической сцены, в оперном либретто занимает элемент самовыражения героя, своего рода «внутренний монолог», который составляет словесную основу оперной арии. Условность такого рода передачи чувств человека очевидна. Но такая условность не снижает жизненной правдивости этого вида искусства...

Мировая история оперной либреттистики знает несколько разновидностей жанра. На этой шкале два полюса: с одной стороны малохудожественные «текстовки» для музыкального произведения, созданного мастером и отчасти скрывающего недостатки драматургии; с другой, использование в качестве либретто классического литературного текста без изменений (например, «речитативные оперы» по маленьким трагедиям А. С. Пушкина; «Каменный гость» Даргомыжского, «Моцарт и Сальери» Римского-Корсакова, «Скупой рыцарь» Рахманинова.

Между этими полюсами подвизался «главный» тип либретто: не совсем самостоятельный, но вполне состоятельный по литературным достоинством драматургический текст, создаваемый нередко профессиональными и опытными драматургами: Э. Скриб писал либретто для Мейербера; Г. фон Гофмансталь – для Р. Штрауса; А. Н. Островский – для В. Н. Кашперова (опера по драме «Гроза» – В. П.).

На этой линии располагается и творчество М. Булгакова-либреттиста, во многом способствовавшего развитию жанра» (См. Межвузовский сборник научных трудов «Время и творческая индивидуальность писателя. Ярославль, 1990, с 93–94 и др.)

Интересна и статья Н. Шафера «М. А. Булгаков и А. Н. Толстой, год 1937-й», опубликованной в журнале «Музыкальная жизнь», 1991, № 13–14.

Однако сравнивая разнородные драматургические жанры, о различии которых так хорошо высказалась Ю. В. Бабичева, Н. Шафер приходит к поспешным выводам. В частности, Н. Шафер делает вывод после анализа темы Петра в произведениях двух замечательных писателей: «У одного – слезы, у другого – фанфары. Достаточно сравнить концовку булгаковского либретто с концовкой толстовской пьесы, чтобы убедиться в идейно-эмоциональной несовместимости двух драматических произведений, написанных в одно и то же время (1937 г.) и на одну и ту же тему...» Н. Шафер цитирует две концовки произведений Булгакова и Толстого и делает вывод: «В чем разлад между этими двумя концовками?»

У Булгакова – трагическое ощущение безысходности, у Толстого – ясная уверенность в завтрашнем дне. У Булгакова – тихий реквием, у Толстого – громогласная ода. У Булгакова – острое чувство личной ответственности каждого в круговерти событий, у Толстого – оправдание жестокости во имя так называемой «высшей цели»... (с. 23–24).

И весь дальнейший ход рассуждений Н. Шафера наполнен конъюнктурными соображениями, желанием Булгаковым «побить» Толстого, доказать, что Булгаков был духовно – «свободен и независим», а Толстой – «духовно зависим от господствующей идеологии».

И главное – «Тема статьи не предусматривала анализа отдельных страниц великого романа А. Н. Толстого «Петр Первый». Здесь преимущественно шла речь о двух разных писателях, создавших драматические произведения на одну и ту же тему – причем в одном и том же году.

А год был – 1937-й...» (с.24).

Удивляет другое: Н. Шафер сравнивает оперное либретто с пьесой, которые коренным образом отличаются друг от друга по своим художественным задачам и по средствам воплощения на сцене, сравнивает бегло, схематично, без учета целей и задач, которые авторы ставили перед собой, без учета творческого замысла того или иного произведения, без учета специфики жанра.

И почему только «тихий реквием» – это хорошо, а «громогласная ода» – это плохо, это свидетельство зависимости от господствующей идеологии?

Мне дорог не только М. А. Булгаков с его оперными либретто, но и А. Н. Толстой с его прекрасными пьесами о Петре, особенно великолепен фильм о Петре по его сценарию.

Но этот разговор еще впереди, тема Петра в творчестве двух выдающихся русских писателей требует более обстоятельного времени. Ценно уже то, что Н. Шафер поставил эту тему на обсуждение.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакии buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!